

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ИСПОВЕДЬЮ «МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА»?

А.Н. Василенко

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В представленном исследовании сделана попытка анализа самобытного памятника древнерусской литературы «Моления (Слова) Даниила Заточника» как особой исповедальной формы с автобиографическим и проповедническим элементами.

Ключевые слова: исповедь, Даниил Заточник, моление, автобиографический элемент, проповедь, покаяние.

Литературная исповедь, значительно отстоящая от религиозного обряда, имеет две формы существования: покаянное, лежащее в основе христианской эстетики обращение человека к Богу, и берущая начало в античной манере философствования (диалоги Платона, произведения Цицерона) так называемая «одинокая беседа с самим собой» (термин Августина Блаженного) исповедь как «особая форма самовыражения и самопознания, в которой проявляется вся полнота творческого начала человека» [4. С. 3]. Первый опыт публичного литературного покаяния — «Исповедь» Августина Блаженного — объединила обе традиции и дала начало множеству текстов-исповедей и произведений с исповедальными элементами.

Впоследствии светская исповедь, в основе своей имеющая автобиографию и психологический самоанализ, обрела популярность и широко использовалась в европейской литературе (Руссо, Бэкон, Абельяр). Средневековая Русь восприняла традицию сквозь призму свойственного времени религиозного, христианского мировоззрения. Исповедь укоренилась в древнерусских памятниках в своеобразном преломлении — почти всегда с покаянным словом героя соседствует слово проповеди. Интенсивно используется в текстах как религиозного, так и светского содержания общественная и бытовая основа автобиографии исповедника. В целом же, исповедь в религиозном понимании как слово покаяния — традиционный этикетный компонент древнерусской литературы.

Под исповедальной формой мы предлагаем понимать монологические фрагменты художественных текстов или целые произведения, содержащие:

- непосредственное обращение к Богу в контексте литературного исповедального монолога;
- исповедь, адресованную слушателю или дистанционированному в пространстве и времени читателю (элемент проповеди);
- автобиографический элемент исповедального монолога;
- покаяние как необходимое завершение исповеди героя;
- частичное или полное совпадение автора и героя текста литературной исповеди;
- подведение итогов, осмысление пережитого, желание поделиться жизненным опытом и мудростью.

Фактически все перечисленные характеристики позволяют рассматривать памятник древнерусской литературы «Моление Даниила Заточника» (в другой редакции «Слово Даниила Заточника») как своеобразную форму исповеди.

На первый взгляд, может показаться, что в тексте, рассматриваемом нами как исповедальный, происходит своеобразная подмена смысла, образов. Адресатом «Слова» выступает не Всевышний, а князь Ярослав Владимирович, один из сыновей Владимира Мономаха, адресатом «Моления» — Ярослав Всеволодович, сын Всеволода III Большое Гнездо. Да и само обращение Даниила к князю «господине» фактически подменяет необходимое для исповеди «Господи».

Подтверждением смещения смыслов являются и многочисленные прямые сравнения князя с Творцом: «Возри на птица небесныя, яко тии ни орють, ни сѣють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея» [1. С. 390]. Дар князя Даниил сопоставляет с «плодом райским». Особенно очевидным сравнением является переложение 41-го псалма Давида: «Имже образом желает елень источника водного: сице желает душа моя к тебе, боже» [Пс.: 41], который у Даниила Заточника звучит как «Токмо аз един жадаю милости твоея, аки елень источника водного» [1. С. 392].

Есть в тексте и прямые цитаты из Писания, адресованные Творцу: «просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишень будещи царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитаеть в вѣки» [1. С. 388], но косвенно обращенные к князю. Себя же Даниил Заточник сравнивает с Адамом: «да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая» [1. С. 390]. Вполне логичным становится возникающий ближе к концу моления образ «злой жены», архетипически восходящий к Еве: «Женою сперва прадед нашъ Адамъ из рая изгнан бысть» [1. С. 394].

Исповедник уповает на справедливость и непогрешимость Ярослава, возводит его в ранг божества и, раскрывая перед ним душу, подводит характерный для исповеди безрадостный итог своей жизни, рассказывает, как, обнищав, потерял друзей, пострадал от социальной несправедливости: «Друзи же мои и ближнии мои и тии отврѣгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразлич-

ных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мной в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачутся со мною, а сердцемъ смѣють ми ся» [1. С. 390].

Подобную подмену образов можно квалифицировать как «минус-прием» (термин Ю.М. Лотмана), своеобразный эффект обманутого ожидания — герой исповедуется не Господу, а господину — князю. И цели этой исповеди отличны от традиционных. Что значит отпущение грехов для кающегося? По мнению одного из современных исследователей исповедальности литературы А. Криницына, «как правило, исповедующийся ощущает себя нарушителем неких моральных правил, а значит — отторгнутым людской общностью. Исповедь — возможность вернуться, быть принятым обратно. А путь к этому — доказательство того, что он искренне раскаивается в совершенных поступках» [6. С. 15]. В этом смысле вдвойне интересна исповедь Даниила. Формально он отделяет себя от остальных, каждой фразой намекая на то, что умнее и лучше других, особенно людей, входящих в княжеское окружение: «Не корабль топит человѣка, но вѣтръ; тако же и ты, княже, не сам владѣши, в печаль введут тя думцы твои» [5. С. 96].

Именуя себя лишь «рабом», для князя Даниил не жалеет эпитетов: «... гласъ твои сладокъ, и уста твои мед истачають, и образ твои красенъ; послания твои яко рай с плодомъ» [5. С. 96] и т.п. Однако вполне возможно, что за высокими словами затерян и иронический смысл. Такая точка зрения высказана Д.С. Лихачёвым в статье о памятнике, вошедшей в книгу «Великое наследие». Князь, по его мнению, не был для Даниила Заточника ни фигурой священной, ни непогрешимой. Ученый объясняет это тем, что сравнения, которыми Даниил наделяет князя, взяты из мира фауны: князь подобен орлу над птицами, осетру над рыбами, льву над зверями [3. С. 207]. Однако, на наш взгляд, вполне допустима неподдельная вера Даниила Заточника в справедливость и милосердие «господина». Иначе он лишился бы последней надежды на избавление от нужды. Мудрый, интеллектуально одаренный исповедник вряд ли стал бы тратить попусту слова, тем более находясь в столь плачевном положении: «Есмь бо яко древо сухо, стояще при пути, да вси мимоходящеи секуть его; тако и аз всѣми обидимъ есмь, зане не огражен есмь страхом грозы твоея, аки оградомъ твердымъ» [5. С. 96].

Следующую подмену таит в себе цель исповедально-просительного монолога: Даниил жаждет не абстрактной Божьей милости, получаемой посредством смирения. Он «не имеет плода покаяния», ему нужна конкретная княжеская милостыня — средства к существованию: «Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея...» [1. С. 390]. Именно поэтому «из всех качеств князя больше всего его привлекает щедрость. О ней-то постоянно и напоминает Даниил» [3. С. 213], он советует господину: «Да не буди рука твоя согбена на подаяние убогимъ» [5. С. 96].

Отсутствию покаяния, плода работы души он противопоставляет свой деятельный ум: «Нищъ бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано» [1. С. 394]. Главное, что про-

славляет и воспеваает Даниил, — достоинство умного человека. Именно за мудрое служение князю он и просит платы, поскольку другого пути избавления от нищеты не видит.

О том, какое образование получил исповедник, можно судить из фрагмента: «Аз бо не во Афинех ростох, ни от философ научихся, но бых падая аки пчела по различным цвѣтомъ и отуду избирая сладость словесную и совокупля мудрость, яко в мѣхъ воду морскую» [5. С. 96]. Очевидно, что знания Даниил добывал собственным трудом, не имея возможности пройти обучение. Этот фрагмент можно расценивать как автобиографический элемент исповедального монолога героя — достаточно редкое явление в древнерусских текстах.

Обладая деятельным умом, исповедник не считает возможным посвятить жизнь религиозному служению. В.В. Кусков отмечает: «Отвергает Даниил и один из возможных путей освобождения от зависимости — пострижение в монахи. С негодованием говорит он: „Лучше ми есть тако скончати живот свои, нежели восприимиши ангельский образ, богу солгати“» [2. С. 87]. Присутствует в «Молении» сатирическое изображение монашеского быта: «Или речеши, княже, пострищися в чернцы. То не видал есмь мертвеца, на свини ездячи, ни черта на бабе; не едал есми от дубья смоковеи, ни от липья стафиля» [5. С. 100].

Не хочет Заточник идти в услужение на боярский двор. Еще один путь — воровство — также отвергается Даниилом: «муж погубляет свое мужество татбою» [1. С. 392]. И женитьба на состоятельной женщине представляется «исповеднику» невозможной: «Женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пий и яж? Ту лепше ми вол бур вести в дом свой, неже зла жена поняти...» [1. С. 394].

Описание жизни и быта представителей различных социальных категорий зачастую сопровождается личными выводами автора «Моления». Прошито словесный узор «Моления» золотыми нитями афоризмов: «птица радуется весне, а младенец — матери», «чьи одежды богаты, тех и речь чтима», «не зри на мя, аки волкъ на агнеца, но зри на мя, яко мати на младенца» и др. Свод житейской мудрости, унаследованный многими поколениями потомков, — квинтэссенция накопленного жизненного опыта исповедника. Именно они придают тексту наставительный, проповеднический характер, традиционный для древнерусских текстов периода XII—XIII вв.

Каково же социальное положение самого Даниила? По мнению Д.С. Лихачёва, автор «Моления» принадлежал не к господствующим классам, а к зависимым: «Даниил подчеркивает свою полную зависимость только от князя» [3. С. 207]. Исследователь обозначает Даниила как «княжеского милостника»: «Это были люди часто пришлые, неустроенные в жизни, единственную свою надежду возлагавшие на князя, на его «милость» [3. С. 207]. Обращаясь к тексту, отметим, что зависимое положение исповедника подчеркивается тем, что Даниил именуется «рабом». Напрашивается очевидная аналогия с общепринятой формулой «раб божий». Однако в пространстве текста «раб», скорее всего, указывает на социальное положение, нежели на духовную позицию. Называет себя Заточник и дворянином.

Однако во время создания текста положение это скорее указывало на нахождение человека при дворе, прислужничество.

Также существует мнение, что «раб» употребляется для придания тексту насмешливого, сатирического колорита. И самоуничтожение у Даниила имеет оттенок легкой иронии. Данное утверждение, на наш взгляд, справедливо. Ведь Даниил Заточник написал текст прежде всего о самом себе, о собственных достоинствах, образованности, уме и мудрости. «Моление» может быть в данном случае типологически сопоставимо с античными образцами философских диалогов (Платона, Сократа), направленных внутрь себя, имеющих своей целью самопознание, самовыражение.

Еще одним адресатом, также характерным для исповедно-проповедного синкретичного образования, является читатель. Заточник обращается к нему с первых строк «Моления»: «Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумь ума своего и начнемъ бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа» [1. С. 388]. И далее неоднократно в тексте демонстрируется интеллект и писательское мастерство творческой личности, что еще раз доказывает стремление Даниила к самовыражению, раскрытию собственного незаурядного внутреннего мира.

Сходство же с религиозной молитвенной формой усиливают повторяющиеся обращения: «Княже мой, господине». Непосредственно к Богу Даниил обращается лишь однажды, когда просит для Ярослава воинской храбрости: «Господи! Даи же князю Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумь, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся человекы под нозе его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣкъ» [1. С. 398].

«Моление Даниила Заточника», по мнению, Д.С. Лихачёва, находится вне традиционной жанровой системы древнерусской литературы. Это самобытный и весьма оригинальный памятник. Если рассматривать «Моление» в вариативной форме «молитвы», но не как канонизированного религиозного текста, а прошения о чем-либо, то в этом случае слово-моление, обращенное к «господину»-князю, сопряжено с рассказом Даниила о собственной жизни, формально и структурно соответствуя характерной для древнерусской литературы исповеди-проповеди. Однако Господь подменен в ней князем-господином, раб божий — рабом-холопом, а высшая сакральная милость — княжеской профанной милостыней.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси XII век. — М.: Художественная литература, 1980.
- [2] Кусков В.В. История древнерусской литературы. — М.: Высшая школа, 1966.
- [3] Лихачёв Д.С. Великое наследие. — М.: Современник, 1975.
- [4] Тарасов П.Г. Исповедальное начало в христианском мировоззрении: Дисс. канд. филол. наук. — Белгород, 2008.
- [5] Моление или послание Даниила Заточника // Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. — М.: Просвещение, 1980.
- [6] Криницын А.Б. Формы исповеди в романах Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1995.

**CAN “SUPPLICATION BY DANIEL THE EXILE”
BE CONSIDERED THE CONFESSION?**

A.N. Vasilenko

Department of Russian and foreign literature
Russian People’s Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198